

© 2013 г. Е.В. УРЫСОН

СИНТАКСИС СОЮЗОВ И КОННЕКТОРОВ И ТЕОРИЯ ВАЛЕНТНОСТЕЙ*

Многие союзы способны функционировать как коннекторы, т.е. связывать не только предложения в составе сложного (однородные члены предложения), но и фрагменты текста. Такие союзы названы мягкими. Другие союзы не способны соединять фрагменты текста – они названы жесткими. Некоторые союзы функционируют как коннекторы лишь в контекстах определенного типа, т.е. являются мягкими в той или иной степени. Мягкость / жесткость союза не зависит от его принадлежности к классу подчинительных или сочинительных. И коннекторы, и жесткие союзы являются предикатами по крайней мере с двумя семантическими актантами. У жесткого союза семантические актанты выражаются по определенным синтаксическим правилам. Выражение актантов коннектора описывается синтаксическими правилами лишь частично.

Ключевые слова: союз, коннектор, семантический актанта, синтаксическая валентность, невыраженная валентность, сфера действия, семантический акцент, просодия

According to traditional grammar conjunctions are words connecting clauses (or words / word combinations). Still many conjunctions can also connect sentences and longer fragments of texts, being in fact connectors (these are «soft» conjunctions), while some conjunctions are able to connect only clauses (these are «hard» conjunctions). Many Russian conjunctions, both coordinating and subordinating, are soft, but there are also hard coordinating and subordinating conjunctions. Hard conjunctions are easily described in the frameworks of valency theory as predicates with (at least) two semantic and syntactic actants. Soft conjunctions and connectors also have two semantic actants. But at least one of these actants cannot be revealed in a text by an algorithm. It is argued that some refinements of valency theory are necessary for representing syntactic properties of connectors and soft conjunctions.

Keywords: conjunctions, connectors, semantic actant, syntactic valency, expression of participants, semantic accentuation, prosody

1.1. СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СОЮЗОВ: ГРАММАТИКА И СЛОВАРЬ

По определению Академической грамматики, «союз – это служебная часть речи, при помощи которой оформляется связь между частями сложного предложения, между отдельными предложениями в тексте, а также (это относится лишь к некоторым союзам) связь между словоформами в составе простого предложения» [Грамматика-80: 713]. Примеры:

- (1а) *Я встану, когда будет светло* [союз связывает части сложноподчиненного предложения].
- (1б) *Стало светло, и я встал* [союз связывает части сложносочиненного предложения].
- (2) *Стало светло. И я встал* [союз связывает два отдельных предложения в тексте].
- (3) *Стало светло и тепло* [союз связывает словоформы в составе простого предложения].

Итак, союз, по определению, соединяет: (а) части простого предложения; (б) части сложного предложения; (в) части текста¹. Однако не каждый союз способен выполнять все три названные функции.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Язык и литература в контексте культурной дина-

Так, в приведенном определении оговорено, что не все союзы могут связывать члены предложения. Например, подчинительные союзы такой способностью не обладают: они связывают предложения в составе сложноподчиненного, но не члены предложения. При внимательном рассмотрении оказывается, однако, что это утверждение справедливо не для всех подчинительных союзов. Союз *хотя*, например, в основной массе контекстов связывает предложения, ср.: *Он не снимал пиджака, хотя было жарко*, но в некоторых случаях соединяет члены предложения. Ср.:

(4) *Пьера поразила скромность маленького, хотя и чистенького домика* (Л.Н. Толстой).

(5) *Я тоже артист, хотя плохой* (И.С. Тургенев).

В примере (4) союз *хотя* связывает соподчиненные определения (*маленький чистенький домик*), а в (5) – определяемое слово *артист* и подчиненное ему определение *плохой*. Однако эта функция настолько необычна для подчинительного союза, что *хотя* в подобных случаях обычно трактуется как союз сочинительный ([МАС]; заметим, однако, что в [СУ] союз *хотя* во всех таких случаях считается подчинительным).

Можно думать, что соединять члены предложения – это прерогатива сочинительных союзов. Но и они выполняют данную функцию с разной степенью свободы. Возьмем самый обычный случай – сочинительный союз между однородными членами предложения.

Союз *и* свободно соединяет однородные члены предложения, ср.: *большие и маленькие коробки, в коробках и ящиках, быстро и правильно отвечать на вопросы, Маша и Миша сдали экзамен, Он шел и пел* и т.п. Союз *а*, напротив, может соединять только однородные сказуемые. Ср.: *Маленький, а злой; Морщится, а ест* (мы отвлекаемся сейчас от сочетания *а ... не*, ср.: *не в коробке, а в ящике*). Заметим, что сочинение сказуемых часто трактуется как сочинение предложений, т.е. высказывание типа *Маленький, а злой* относится к сложносочиненным предложениям. При таком подходе союз *а*, будучи сочинительным, оказывается неспособным соединять члены предложения. При более традиционной трактовке (*Маленький, а злой; Морщится, а ест* – это простые предложения с однородными сказуемыми) союз *а* может соединять однородные члены предложения, но не все, а только сказуемые.

Хорошо известно, что сочинительный союз может соединять и такие члены предложения, которые не являются однородными. Примеры из книги [Санников 1989: 14 и сл.]:

(6а) *В этой стране все и всем недовольны.*

(6б) *Читать то нечего, то некогда.*

(6в) *Никогда и никому не завидуй.*

(7а) *Ты помнишь лик светила, но иного* (И. Анненский).

(7б) *Уехал, и надолго.*

В (6а)–(6в) сочинительный союз связывает соподчиненные, но при этом разнофункциональные члены предложения: в (6а) – подлежащее и дополнение, в (6б) и (6в) – дополнение и обстоятельство времени. В (7а)–(7б) союз связывает главное слово и его синтаксическое зависимое: это так называемые «конструкции со вторичной союзной

мики», гранта РГНФ № 10-04-00273а и гранта НШ-6577.2012.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ.

¹ В.З. Санников среди союзных сочинительных конструкций особо выделяет «сочинение члена предложения с предложением», ср.: *Я думал о матери и что так и не подошел к ней* (Ф.М. Достоевский) [Санников 1989: 43]. С определенной долей условности можно считать, что союз здесь оформляет связь между частями сложного предложения. Данные конструкции являются периферийными и нами не рассматриваются. Кроме того, некоторые союзы способны соединять морфемы, ср.: *видео-, а также <и> аудиоаппаратура*. Этот случай тоже является периферийным, и мы его не рассматриваем.

связью» [Прияткина 1971]. Разные типы таких контекстов подробно описаны в книге [Санников 1989].

Очевидно, что в подобных случаях допустимы не все сочинительные союзы. Например, в них невозможны или затруднены союзы *а также*, *да* в значении 'и'. Некоторые другие запреты на употребление того или иного союза в этих конструкциях описаны в [Там же: 21 и сл.].

Итак, способностью связывать члены предложения обладают далеко не все союзы, причем даже не все сочинительные союзы. В результате полное описание сочинительного союза должно содержать сведения о том, может ли данный союз: (i) соединять однородные члены предложения, причем следует различать сочинение сказуемых и сочинение других членов предложения; (ii) соединять соподчиненные, но разнофункциональные члены предложения, см. (6а)–(6в); (iii) соединять главное слово и его зависимое, см. (7а)–(7б). Оказывается, что и другую свою основную функцию – соединять части сложного предложения – сочинительные союзы выполняют с разной степенью свободы. Некоторые наблюдения на эту тему помещены в разделе 2.1. Из грамматической информации о принадлежности союза к классу сочинительных эти сведения не вытекают и, следовательно, они должны фиксироваться в словаре.

Нужно сказать, что эти две функции союзов – связывать части сложного предложения, а также члены предложения – достаточно подробно описаны в грамматиках и в словарях. Так, в [МАС] при каждом значении союза указывается его способность выполнять ту или иную из этих функций. Нам было важно подчеркнуть, что даже эти, хорошо известные, функции союзов требуют отражения в словаре, а не только в грамматике, где они представлены как общее свойство класса слов.

Объект предлагаемой статьи – способность союза (как сочинительного, так и подчинительного) оформлять связь между отдельными предложениями в тексте, ср.: *Стало светло. И я встал*. В этой, наименее изученной, позиции союз ведет себя как коннектор. Цель работы – сформулировать основные проблемы, возникающие при описании союзов в функции коннекторов².

1.2. СИНТАКСИС КОННЕКТОРОВ

В отличие от союзов, коннекторы не образуют отдельной части речи. В этот класс объединяют некоторые союзы, некоторые частицы, некоторые наречия и некоторые фразеологические сочетания. Классический пример коннектора – *между тем*. Данная единица обычно квалифицируется как фразеологическое сочетание (так называемая грамматическая фразема); для простоты можно считать ее одним словом, которое пишется с пробелом. Ср.:

(8) *Мы уже давно шли по лесу без всякой дороги. Между тем начало темнеть.*

В этом тексте коннектор связывает два высказывания, или два отдельных предложения в тексте.

Коннектор может связывать и два предложения в составе сложного, ср.:

(9) *Мы второй день сидим без еды, между тем нам все время обещают помочь.*

Однако главное свойство коннектора – связывать две группы предложений внутри текста, т.е. два фрагмента текста. Ср.:

(10) *Мы уже давно сбились с дороги. Всем хотелось есть. (Q) | Между тем начало смеркаться. Собиралась гроза. (P)*

² Вообще говоря, в интересующих нас случаях (ср.: *Стало светло. Но я не встал*) коннектор можно интерпретировать не как союз, а как фразовую частицу. Тогда поставленная проблема формулируется так: какие союзы и при каких условиях могут выступать как фразовые частицы.

В (10) коннектор *между тем* связывает текстовые фрагменты Р и Q. Разумеется, каждый такой фрагмент может состоять из одного отдельного предложения, ср. (8). Возможны и промежуточные случаи: коннектор связывает одно вводимое им высказывание с группой предшествующих, ср. (11а); или одно предшествующее высказывание с группой высказываний, ср. (11б).

(11а) *Мы уже давно сбились с дороги. Всем хотелось есть. (Q) | Между тем погода совсем испортилась. (P)*

(11б) *Мы уже давно шли без всякой дороги. (Q) | Между тем пошел снег. Становилось все холоднее. (P)*

Отдельно выделяется случай, когда предложение с коннектором открывает абзац: можно считать, что коннектор тогда связывает данный абзац с предыдущей частью текста, возможно с абзацем или абзацами. Ср. текст (11в), где фрагмент Р выделен в отдельный абзац:

(11в) *Мы уже давно сбились с дороги. Всем хотелось есть. (Q)*
Между тем начало смеркаться. Собиралась гроза. (P)

Могут ли союзы, подобно коннекторам, связывать фрагменты текста? Все ли союзы обладают такой способностью? Ниже будет показано, что разные союзы выполняют функцию коннектора с разной степенью свободы, а некоторые союзы вообще неспособны связывать фрагменты текста. При этом оказалось, что описание синтаксиса союза в функции коннектора, так же как и описание самих коннекторов, требует уточнения теории валентностей [Урысон 2008а; 2012]. Теоретическим вопросам синтаксиса посвящен раздел 3.

Оговорим, что мы рассматриваем письменный текст и не анализируем просодию. В нашем случае графически различаются три варианта: абзацный отступ, точка и запятая. Возможно, что каждому из них соответствует своя просодия (или свой набор просодий). Однако при этом не исключено, что есть какой-то просодический рисунок, который соответствует и точке, и запятой или и точке, и абзацному отступу. Обсуждение этого вопроса выходит за рамки предлагаемой статьи.

2.1. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРОГОСТЬ СОЮЗА: «ЖЕСТКИЕ» И «НЕЖЕСТКИЕ» СОЮЗЫ

Некоторые союзы не способны связывать отдельные предложения в тексте или фрагменты текста – они соединяют лишь члены предложения или части сложного предложения. Такие союзы мы называем синтаксически строгими, или жесткими. Синтаксически строгие союзы не функционируют как коннекторы. Другие союзы, напротив, подобны коннекторам – они могут соединять отдельные высказывания в тексте и даже большие фрагменты текста. Такие союзы мы называем синтаксически нестрогими, или нежесткими (мягкими)³.

³ Похожие термины использует В.З. Санников при описании частных запретов на употребление того или иного сочинительного союза при однородных членах: «...одно и то же сочетание сочиненных членов допустимо при одном сочинительном союзе и недопустимо при другом. Выделить здесь более “либеральные” и более “жесткие” союзы затруднительно: для разных сочетаний картина оказывается различной» [Санников 1989: 58]. Так, нормально сочетание *металлический, но непрочный стержень*, однако сомнительны сочетания: *?металлический и непрочный стержень*, *?металлический или непрочный стержень* и т. п. [Там же]. Подобные частные запреты имеют семантическую природу: значение союза должно быть согласовано с семантикой остальных компонентов высказывания, в частности с семантикой соединяемых членов предложения. Объект настоящей работы – собственно синтаксические свойства союзов (которые, впрочем, могут быть тесно связаны с их семантикой).

Синтаксическая нестрогость, или мягкость, – это свойство, которым конкретный союз наделен в большей или меньшей степени. Иными словами, мягкие (нежесткие) союзы располагаются на некоторой шкале: одни из них более мягкие, другие – менее. Класс строгих (жестких) союзов тоже не вполне однороден, однако с синтаксической точки зрения жесткие союзы различаются между собой существенно меньше, чем мягкие.

Наша основная гипотеза состоит в том, что подчинительные союзы в целом являются более строгими, более жесткими, нежели сочинительные. Действительно, среди подчинительных союзов легко найти жесткие. Так, например, изъяснительный союз *что* способен соединять только придаточное и главное предложения: *Он сказал ей, что снимается в кино*. Безусловно жестким является союз *чем ... тем*, ср.: *Чем ночь темней, тем ярче звезды*. Оказалось, однако, что жесткие союзы встречаются и среди сочинительных, и наоборот, некоторые подчинительные союзы являются нежесткими. По-видимому, синтаксическая строгость союза напрямую связана еще и с его стилистической маркированностью: нейтральные, широко употребительные союзы скорее будут нежесткими. В результате союзы с очень близкой семантикой, но с разной стилистикой могут сильно различаться по своим синтаксическим свойствам.

Выяснилось также, что тот или иной набор синтаксических функций свойствен не отдельному союзу, а союзу в его конкретном значении. Следуя терминологии, принятой в московской семантической школе, мы будем называть слово (в частности союз), взятое в его отдельном значении, лексемой. Многозначное слово представляется при этом как набор лексем⁴. Итак, одни лексемы данного союза могут оказаться жесткими, а другие – нежесткими.

Проверка выдвинутых утверждений требует описания всех русских союзов или хотя бы большей их части. Эта задача выходит за рамки журнальной статьи. Пока ограничимся разбором некоторых примеров, подтверждающих нашу гипотезу. В частности, продемонстрируем, что способность или неспособность союза выступать в качестве коннектора является его особым свойством, которое не вытекает из принадлежности союза тому или иному грамматическому классу.

Мы рассмотрим сочинительные союзы *и*, *а также* и *да* в значении ‘и’: последние два союза семантически сближаются с *и*, однако обладают другими синтаксическими свойствами. Мы также рассмотрим союз *а*, интересный тем, что некоторые его лексемы сильно различаются по жесткости. Из подчинительных союзов мы ограничимся союзами *потому что*, *хотя* и группой временных союзов.

2.2. СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И, А ТАКЖЕ И ДА ‘И’

Мы считаем союз *и* многозначным; структура его полисемии и основные значения подробно описаны в работах [Урысон 2000; 2004; 2011]; там же анализируются критерии выделения отдельных значений у союза. Сейчас нас будут интересовать три главные лексемы союза *и*:

«*и* нормального следствия», ср.: *Пьеса слабая (Q), и публика на нее не идет (P)*;

«*и* нормального развития повествования», ср.: *Заря сияла на востоке (Q), и золотые ряды облаков, казалось, ожидали восхода солнца (P)* (А.С. Пушкин);

«*и* перечисления», ср.: *Осталось сдать физику, химию и географию*.

Союз «*и* нормального следствия»⁵ в высказывании типа *Q*, и *P* указывает на то, что ситуация типа *Q* обычно влияет на положение дел, так что в результате имеет место ситуация типа *P*. Ср.: *Мне стало душно (Q), и я вышел (P)*; *Он уезжает (Q), и она несчастна (P)*; *Пете повысили зарплату (Q), и он смог вернуть долги (P)*. Значение

⁴ Понятие лексемы слова сближается с понятием лексико-семантического варианта Смирницкого.

⁵ Отдельную лексему союза мы тоже называем союзом.

нормального следствия выражается в подобных случаях союзом *и*, а не только широким контекстом. Это обосновано в работе [Санников 1989: 165 и сл.].

Союз «*и* нормального развития повествования» указывает на то, что обе сочиненные пропозиции *P* и *Q* – на одну и ту же тему. Ср.:

- (12) *Мы простились еще раз (Q), и лошади поскакали (P)* (А.С. Пушкин) [общая тема пропозиций – ‘наше расставание’].
- (13) *Рукава у нее [матери] были засучены, обнажая белые, толстые руки, и на безбровом, плоском лице выступали капли пота* (Л. Андреев) [обе пропозиции – на тему ‘вид матери за работой’].
- (14) *Лицо у нее было белое, и ужасно глупо выглядела брошка с бегущим оленем* [общая тема пропозиций – ‘непривлекательный вид героини’]⁶.

Иными словами, каждое из сочиненных предложений рассматривается как минимальный текст со своей единой темой. Понятие темы текста (микротекста), отличное от понятия темы *vs.* ремы как компонентов коммуникативной структуры высказывания, подробно обсуждается в работах [Урысон 2000; 2004; 2011]; там же обоснована необходимость этого понятия для описания семантики союзов.

Союз «*и* перечисления» является средством оформления множества, задаваемого перечислением. Ср.: *Там были Иванов, Сидоров, Михайлов и кто-то еще; Я носила тогда малахитовое ожерелье и чепчик из тонких кружев* (А. Ахматова).

Союз «*и* нормального следствия», безусловно, является мягким – он способен связывать как части сложносочиненного предложения, ср. (15), так и фрагменты текста, ср. (16)–(19):

- (15) *Он сделал мне предложение (Q), и я вышла за него замуж (P)* [союз соединяет части сложносочиненного предложения].
- (16) *Он сделал мне предложение. (Q) | И я вышла за него замуж. (P)* [союз соединяет два отдельных предложения в тексте].
- (17) *Он всегда помогал мне, был рядом в трудную минуту. Дети очень его любили. (Q) | И я вышла за него замуж. (P)* [союз соединяет вводимое им высказывание с группой предшествующих].
- (18) *Он нравился мне с девятого класса. (Q) | И я решила подать документы в тот же университет, что и он. Я даже стала заниматься тем же видом спорта (P)* [союз соединяет предшествующее высказывание с последующей группой высказываний].
- (19) *Он всегда помогал мне, был рядом в трудную минуту. Дети очень его любили. (Q) | И я стала думать, что наши отношения могут быть прочными. Я начала надеяться на него. (P)* [союз соединяет две группы высказываний].

Ясно, что в случаях, подобных (16)–(19), союз «*и* нормального следствия» может начинать абзац. Следовательно, этот союз является максимально мягким.

Максимально мягким является и союз «*и* нормального развития повествования». Ср. следующие примеры:

- (20) *Снег тает (Q), и день уже очень длинный (P)* [союз соединяет части сложносочиненного предложения].
- (21) *Снег тает. (Q) | И день уже очень длинный. (P)* [союз соединяет два отдельных предложения в тексте].
- (22) *Снег тает. По ночам коты орут. (Q) | И день уже очень длинный. (P)* [союз соединяет вводимое им высказывание с группой предшествующих].
- (23) *Зарядили дожди. (Q) | И дни укорачиваются. По утрам холодно (P)* [союз соединяет предшествующее высказывание с последующей группой высказываний].
- (24) *Снег тает. Лыжи кончились. (Q) | И день уже очень длинный. Небо вечером бывает зеленоватым. (P)* [союз соединяет две группы высказываний].

⁶ Благодарим за этот пример Ю.Д. Апресяна.

Легко убедиться, что союз «и нормального развития повествования» может начинать абзац – это тоже максимально мягкий союз.

Итак, союзы «и нормального следствия» и «и нормального развития повествования» свободно функционируют как коннекторы.

Тем не менее и на их синтаксис наложены какие-то ограничения. Семантика этих союзов такова, что они не могут соединять однородные члены предложения. Исключением являются однородные сказуемые (впрочем, этот случай часто интерпретируют как сочинение предложений). Ср.:

(25) *Он устал. (Q) | И сразу начал ошибаться. (P)* [«и нормального следствия»].

(26) *Она устала. (Q) | И очень хотелось есть. (P)* [«и нормального развития повествования»].

Напомним, что синтаксическая мягкость, или нестрогость, – это свойство союза соединять отдельные высказывания в тексте или большие текстовые фрагменты, но не единицы любой природы.

Однородные члены предложения связывает лексема «и перечисления». Ср.: *Люблю есть и спать; Петя, Маша и Даша окончили школу; Весной, летом и осенью к нам не проехать; С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно* (А.С. Пушкин) и т.п.

Отметим, по-видимому, уникальное свойство данной лексемы союза *и*: в определенной синтаксической позиции она обязательна. Союз «и перечисления» требуется некоторыми предикатами, предполагающими множество элементов, в частности множественный субъект или объект. Ср.:

(27а) *Весной Костя и Катя поженились.*

(27б) *Бологое находится между Москвой и Петербургом.*

(27в) *Ваня и Миша побежали в разные стороны.*

В подобных случаях союз «и перечисления» сближается с сильноуправляемыми и при этом не десемантизированными предлогами. Ср.: *войти <вбежать, влететь, вползти ...> в комнату, выйти <выбежать, вылететь, выползти ...> из комнаты, прыгнуть <сбежать, сползти> с лестницы* и т.п.

В определенных контекстах «и перечисления» связывает и однородные сказуемые, ср.:

(28) *По-прежнему он вел хозяйство <...>: косил, убирал, веял, сдавал уголья мужикам, платил налоги и ездил в город по земским делам и по личным* (Б. Зайцев).

Заметим, что некоторые сложносочиненные предложения можно интерпретировать двояко: как содержащие лексему «и нормального развития повествования» или лексему «и перечисления». Ср.:

(29) – *Что у вас случилось? – Катя заболела скарлатиной (Q), и Ваня сломал руку (P).*

В подобных случаях пропозиции Q и P, безусловно, на одну и ту же тему, благодаря чему можно считать, что перед нами лексема «и нормального развития повествования». Но благодаря контексту данное высказывание можно интерпретировать и как перечисление того, что имеет место, – и тогда они содержат лексему «и перечисления». Действительно, предложение (26) допускает перефразировку с явным перечислением:

(30) – *Что у вас? – Два события. Катя заболела скарлатиной (Q), и Ваня сломал руку (P).*

Естественно считать, что в случаях типа (30) союз *и* представлен в промежуточном значении, которое представляет собой контаминацию значений двух лексем: «*и* нормального развития повествования» и «*и* перечисления»⁷.

По-видимому, не все сложносочиненные предложения допускают сразу две такие интерпретации. Ср.:

(31) – *Какая у вас погода? – Ослепительное солнце (Q), и дует сильный ветер (P).*

В (31) естественно усматривать лексему «*и* нормального развития повествования», но не «*и* перечисления». Перефразировка типа (30) для данного высказывания по меньшей мере сомнительна.

Союз *и* в описанном промежуточном значении, представляющем собой сплав семантики «*и* нормального развития повествования» и «*и* перечисления», способен связывать и отдельные предложения в тексте, и фрагменты текста. Ср.:

(32) – *Что у вас случилось? – Катю отчисляют из университета. (Q) | И Ваня попал в аварию. (P)*

(33) – *Что у вас случилось? – Катя заболела скарлатиной. Врач настаивает на больнице. (Q) | И Ваня сломал руку. Гипс наложили неудачно, теперь масса хлопот с лечением (P).*

Следовательно, союз *и* в описанном промежуточном употреблении является мягким. Что касается собственно союза «*и* перечисления», то это – жесткий союз: он не способен соединять фрагменты текста (и, добавим, даже предложения в составе сложносочиненного).

Напомним, что жесткому союзу присущи, вообще говоря, две функции – связывать однородные члены и соединять предложения в составе сложного. Союз «*и* перечисления» может выполнять только одну из этих функций, и его можно считать максимально жестким.

Возьмем теперь союз *а также*. Подобно союзу «*и* перечисления», *а также* является средством оформления множества. Однако этот союз стилистически отмечен как необходимый – он тяготеет к книжной речи. Ср.:

(34) *Там растет ель, а также осина.*

(35) *Он знает английский, немецкий, шведский, а также суахили.*

По сравнению с союзом «*и* перечисления» союз *а также* выражает дополнительную семантику: перечисляя элементы множества, говорящий как бы добавляет последний элемент (вводимый *а также*) к предыдущей части множества. Заметим, что в связи с этим *а также* недопустим в контексте предиката, требующего множественный актанта; ср. неправильное высказывание: **Весной Маша, а также Ваня поженились*.

Союз *а также* способен соединять однородные сказуемые (и их синтаксические группы). Ср.:

(36) *Он сломал ногу, а также повредил руку.*

Этот союз может соединять и отдельные предложения в составе сложносочиненного, однако при соблюдении определенных условий: сочиненные предложения, как правило, имеют общий второстепенный член⁸. Ср.:

⁷ В реальном тексте значение слова редко совпадает со словарным: часто это как бы сплав разных его значений. Проблема промежуточных значений слов давно известна [Апресян 1974: 179–181; Шмелев 1973].

⁸ По-видимому, существуют и другие, более тонкие требования, которым должны удовлетворять сочиненные предложения с союзом *а также*.

(37) У него выбиты зубы, а также поврежден глаз.

(38) В конце семидесятых годов в США и ряде других стран было запрещено использование фреонов <...>, а также несколько сокращено само производство фреона (Уппсальский корпус).

Хотя элементами множества, оформляемого с помощью *а также*, могут быть ситуации, ср. (36)–(38), отдельные предложения в тексте этот союз обычно не связывает. Ср. неудачные примеры:

(39) ?Петя сломал ногу. А также он повредил руку.

(40) ?Петя сломал ногу. Он повредил руку. А также при падении у него выбило зубы.

В современном языке в подобных случаях употребляется слово *также*⁹, ср.:

(41) Петя сломал ногу. Также при падении у него выбило зубы.

Тем не менее при определенных условиях союз *а также* ведет себя как коннектор, т.е. связывает отдельные предложения в тексте и даже фрагменты текста Р и Q. Это вполне допустимо, если и Р, и Q выражают просьбу. Ср.:

(42) Объясните, прав ли я, сильнейший повелитель земель ислама, требуя, чтобы халиф багдадский подчинялся мне? (Q) | А также объясните, что я должен делать, если халиф мне не покоряется? (P) (В. Ян).

(43) Я вынужден потребовать, чтобы вы подписали эту бумагу. Обязательство никуда не уезжать в ближайшие два месяца. И являться по моему вызову, если в этом возникнет необходимость. (Q) | А также очень, очень советую вам: вспомните наконец, где вы были пятнадцатого июня. (P) (И. Ефимов).

Что касается обычного повествования, то в нем союз *а также* вряд ли возможен в функции коннектора. Так, следующие примеры находятся, по-видимому, на грани допустимого:

(44) Торшер он заработал собственными руками. Пианино дочурке, уехавшей в пионерлагерь, он заработал собственными руками. Немецкую тахту он заработал собственными руками. (Q) | А также, не боясь последствий, отправил жену отдыхать в Сочи. (P) (Е. Попов).

(45) Любит Борисов людей, вот главное его партийное качество, (Q) – взволнованно сказал Наумов. – А также товарищ он мужественный... принципиальный человек (P). (Д. Гранин).

Итак, сочинительный союз *а также* тяготеет к жестким – он связывает отдельные предложения в тексте или большие текстовые фрагменты Р и Q лишь при определенных условиях, которым должны удовлетворять Р и Q. Ясно, что *а также* – союз менее жесткий, нежели «и перечисления».

Перейдем к союзу *да*, синтаксис которого еще более прихотлив.

Союз *да* имеет два основных значения: одно из них близко ‘и’, точнее лексеме «и перечисления», а другое близко ‘но’ (*Мал золотник, да дорог*), причем в обоих значениях союз *да* отмечен стилистически как разговорный, уходящий или устаревший. Мы будем рассматривать союз *да* только в его первом значении.

Оказалось, что союз *да* ‘и’ представляет собой не одну лексему, а две. Они семантически близки друг другу и образуют блок. Первая лексема (*да 1.1*) представлена в примерах типа:

(46а) Два да три будет пять.

(46б) Однажды лебедь, рак да щука / Везти с поклажей воз взялись (И.А. Крылов).

(46в) Я в кибитке валкой / Еду да тоскую (Н.П. Огарев).

⁹ Подобное употребление слова *также* в литературном языке является инновацией (раньше в этой позиции вместо *также* употреблялся коннектор *кроме того*).

Союз *да 1.1* отличается от «и перечисления» только стилистически: данная лексема союза *да* устарела.

Этот союз может повторяться перед членами сочинительной конструкции, кроме первого, указывая на процесс формирования множества говорящим – очередной элемент множества добавляется к уже имеющимся. Ср.:

(47а) *Встав в окопе, Савельев старательно подогнал снаряжение. А было на нем, если считать автомат, да диск, да гранаты, да лопатку, да неприкосновенный запас в мешке, без малого пуд* (К. Симонов [МАС]).

(47б) *Эх, сейчас босиком бы по этому песочку, да по камешкам, да по хвое – хорошо!* (Ю. Домбровский).

Отметим, что союз «и перечисления» тоже допускает такое повторение, ср.: *Эх, сейчас босиком бы по этому песочку, и по камешкам, и по хвое – хорошо!* Если союз *да 1.1* повторяется, то его стилистическая окраска несколько иная: высказывание с этим союзом носит подчеркнуто разговорный характер, возможно, стилизовано под народную речь. С интересующей нас точки зрения союз *да 1.1* мало отличается от «и перечисления» и, следовательно, является жестким.

Близкая к *да 1.1* лексема *да 1.2* свободно употребляется в разговорной речи. Главная ее особенность состоит в том, что она выражает некоторую дополнительную информацию о множестве. При этом выделяется два круга употреблений этого союза¹⁰.

Первый круг употреблений представлен в примерах типа:

(48а) *Что он сам может приготовить – яичницу да сосиски.*

(48б) *Танцы продолжались, <...> и за столом, похоже, остались мы вдвоем – я да Мария Тихоновна* (Ф. Абрамов).

(49) *Вам ли, любящим баб да блюда, жизнь отдавать в угоду?!* (В. Маяковский).

Союз *да 1.2* выражает здесь оценку множества: он указывает на то, что оно включает не все мыслимые объекты, что их мало. Поэтому для союза *да 1.2* характерны контексты, в которых выражен или подразумевается смысл ‘только’. Ср.:

(50а) *Там сигареты да пиво, даже шоколада нет.*

(50б) *А нынче только ветры да крики пастухов* (А. Ахматова).

Союз *да 1.2* в этом употреблении может соединять однородные сказуемые. Ср.:

(50в) *Ходит да записывает.*

(50г) *Ест да ухмыляется.*

Союз *да 1.2* и в этом случае выражает оценку множества, в связи с чем может придавать высказыванию оттенок неодобрительности; ср.: *Ходит да записывает* при нейтральном *Ходит и записывает*.

В этом круге употреблений союз *да 1.2* может соединять сочиненные предложения. Ср.:

(51) *Золотые искры летели в темноту, да вдали, по полотну, краснел фонарь последнего вагона* (Б. Зайцев).

Пример типа (51) вполне допускает трансформацию сложносочиненного предложения в последовательность двух отдельных предложений. Ср.:

¹⁰ «Употребление лексемы – регулярное, но незначительное изменение ее словарного значения в определенных условиях» [Апресян 2004: L].

(52) *Золотые искры летели в темноту. Да вдали, по полотну, краснел фонарь последнего вагона.*

Поскольку союз *да* 1.2 в первом круге употреблений может соединять отдельные высказывания в тексте, то, по принятому определению, в данном круге употреблений он является мягким. Однако он вряд ли способен связывать большие фрагменты текста. Если так, то союз *да* 1.2 в рассматриваемом круге употреблений можно считать минимально мягким.

Во втором круге употреблений союз *да* 1.2 оформляет множество, элементы которого представляют собой последовательные ситуации (действия, события и т. п.). Ср.:

(53) *Но как явились вы <...> да начали рубить да жечь, так сразу же западный обыватель испугался до истерики и загородился от вас таким же стальным фюрером* (Ю. Домбровский).

(54) *А потом вызвали прокурора да закатали голодовку* (Ю. Домбровский).

В этом круге употреблений союз *да* 1.2 указывает на то, что между данными действиями (событиями) нет никакого промежуточного действия, никакой паузы – одна ситуация сменяет другую быстро, возможно – неожиданно. Ср. устойчивые сочетания: *За ушко да на солнышко* ‘без промедления’; *вынь да положь* ‘дай немедленно’. Благодаря этому для союза *да* 1.2 в этом круге употреблений характерен контекст особых глагольных форм или отсутствия глагола, указывающий на стремительность действия. Ср.:

(55) *Он кошке: «Брысь отсюда!» – да хватить ее веревкой.*

(56) *Раньше бы такого художника сразу <...> за шиворот да в участок* (Ю. Домбровский).

По той же причине союз *да* 1.2 во втором круге употреблений сочетается с частицей *как*, указывающей на силу и неожиданность действия. Ср.:

(57) *Подошел, посмотрел да как врежет ему.*

(58) *Сел на песок, взял ее ногу в руку, посмотрел, поцупал коленную чашечку – она лежит, только зубы стиснула и постанывает, – я приподнял ногу да как крутанул ее! <...> Щелкнуло там что-то и, чувствуя, стало на место* (Ю. Домбровский).

Как видно из примеров, союз *да* 1.2 во втором круге употреблений свободно соединяет однородные сказуемые. Однако он не связывает сочиненные предложения; ср. плохое высказывание: *“Стемнело, да хлынул дождь* (данное высказывание не выражает смысл ‘стемнело, и сразу хлынул дождь’).

Итак, союз *да* 1.2 во втором круге употреблений может соединять только однородные сказуемые. Следовательно, в данном круге употреблений союз *да* 1.2 является максимально жестким.

Отметим еще одно ограничение на синтаксис союза *да* 1.2 (в обоих кругах употреблений). Количество соединяемых им однородных членов не превышает двух-трех. Ср.:

(59) *Я ввел только ремарки да очень неясное место насчет того, что есть истина, дополнил по апокрифическому Евангелию Петра* (Ю. Домбровский).

(60) *Домишки <...> начали сниматься с мест, оставляя после себя груды пережженных кирпичей, ямы подполий с мышинными норками <...> да сгнившие нижние венцы* (В. Астафьев).

Это синтаксическое ограничение, по крайней мере для первого круга употреблений *да* 1.2, напрямую связано с оценочной семантикой этого союза. Заметим, что близкие по семантике союзы «и перечисления» и *а также* не накладывают ограничений на количество однородных членов¹¹.

¹¹ Союзы *да* в значении ‘и’ и *а также* подробно описаны (в сопоставлении с «и перечисления») в работе [Урысон 2004].

Мы убедились, что близкие по значению сочинительные союзы и даже разные употребления одного союза могут различаться по своим синтаксическим свойствам. Продемонстрируем это на примере еще одного сочинительного союза, а именно на союзе *а*.

2.3. СОЧИНИТЕЛЬНЫЙ СОЮЗ *А*

Союз *а* имеет три основные лексемы¹²:

«*а* ненормального следствия», ср.: *Пьеса слабая (Q), а народ на нее валом валит (P)*;

«*а* сопоставления», ср.: *Ты молода, здорова, красива, жить хочешь (Q), а я старик, почти труп (P)* (А.П. Чехов [МАС]); *Папа на работе, а мама в магазин ушла*;

«*а* поворота повествования», ср.: *Школа стояла на главной улице (Q), а эта улица соединяла город с вокзалом (P)*.

Все три лексемы могут соединять не только сочиненные предложения, но и фрагменты текста.

Примеры с союзом «*а* ненормального следствия»:

(61) *Дело к весне (Q), а мороз все жестче (P)*.

(62) *Дело к весне. День удлинился, солнце светит ярче. На календаре – середина марта. (Q) | А мороз все жестче. Ветер резкий, северный. По ночам волки воют. (P)*

Примеры с союзом «*а* сопоставления»:

(63) *Катя – интеллигентная девушка из хорошей семьи (Q), а Даша – простая, из села (P)*.

(64) *Катя – интеллигентная девушка из хорошей семьи. Ее родители – потомственные врачи. Она тоже еще в детстве решила стать хирургом. (Q) | А Даша – простая, из села. Мама у нее доярка, отец был трактористом, пил и рано умер. Ни о каком институте Даша и не мечтает. (P)*

Примеры с союзом «*а* поворота повествования»:

(65) *Стою на остановке, жду автобуса (Q), а мороз градусов тридцать (P)*.

(66) *Стою на остановке, жду автобуса. Сумка у меня неподъемная. (Q) | А мороз градусов тридцать. Вокруг ни души. (P)*

Для краткости мы привели лишь такие примеры, в которых союз *а*, функционируя как коннектор, связывает две группы высказываний. В последнем примере союз «*а* поворота повествования» открывает новый абзац. Аналогичное употребление нормально и для двух других лексем союза *а*: примеры (62) и (64) вполне допускают разбиение на два абзаца, второй из которых открывается союзом *а*.

Итак, союз *а* во всех трех приведенных значениях является максимально мягким. Однако и у этого союза находится жесткая лексема. Она описана в книге [Санников 1989: 177], но без указания синтаксических свойств. Примеры (два последних – из книги В.З. Санникова):

(67а) *Вхожу в метро (Q), а по нашей линии поезда не ходят (P)*.

(67б) *Выхожу я (Q), а он [волк], проклятый, сидит под ветлой и бьет себя лапой по морде (P)* (А.П. Чехов).

(68) *Тронул губу (Q), а у меня из-под губы – клык (P)* (В. Маяковский).

В.З. Санников описывает подобные высказывания как содержащие эллипсис: «Выхожу я и вижу, что...»; «Тронул губу и почувствовал, что...». При этом си-

¹² Эти лексемы (первая и третья – с другими названиями) выделяются в работах [Крейдлин, Падучева 1974; Санников 1989]. Мы опираемся на описание союза *а*, данное в работе [Урысон 2011].

туация Q, обнаруживаемая субъектом ситуации P, является для него неожиданной [Там же: 177]. Естественно усматривать в данных высказываниях отдельную лексему союза *а*, которая близка лексеме «*а поворота повествования*» и, скорее всего, объединяется с нею в один блок, но все же достаточно сильно отличается от нее семантически. Вслед за В.З. Санниковым будем называть эту лексему «*а обнаружения*».

Союз «*а обнаружения*» соединяет только сочиненные предложения и не способен связывать даже отдельные высказывания в тексте. Действительно, сравним следующие примеры:

(69а) *Выхожу я вчера на улицу (Q), а в соседском огороде чьи-то куры ходят (P). (Я сразу к соседям).*

(69б) *Выхожу я вчера на улицу. (Q) А в соседском огороде чьи-то куры ходят. (P) (Соседи этого не видят).*

В примере (69а) выражено, что субъект ситуации Q неожиданно для себя обнаруживает ситуацию P. Следовательно, в этом высказывании фигурирует союз «*а обнаружения*». Высказывание (69б) не содержит никакой подобной информации – в нем выступает союз «*а поворота повествования*». Можно думать, что кратчайшая пауза между P и Q в случае «*а обнаружения*» иконически отражает идею неожиданности, выражаемую этим союзом.

Как это ни парадоксально, сочинительный союз *а*, наряду с максимально мягкими лексемами, имеет и жесткую. При этом союз «*а обнаружения*» является максимально жестким: из двух синтаксических возможностей союза – связывать сочиненные предложения и соединять однородные члены предложения – он реализует только первую. Отметим, что союз «*а обнаружения*» стилистически не вполне нейтрален: он характерен для разговорной речи, точнее – для разговорного повествования.

2.4. НЕКОТОРЫЕ ПОДЧИНТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Причинный союз *потому что* и уступительный союз *хотя* являются мягкими. Ср.:

(70) *Маша все делает для Пети. Она помогала его маме в больнице. Она нашла для него хорошую работу. Она дает ему деньги в долг. (Q) | Потому что она до сих пор любит его. Все ее планы связаны с ним. (P)*

(71) *Мы долго и упорно делали эту работу. Сидели ночами. Тщательно проверяли расчеты. (Q) | Хотя этот проект нам всем давно надоел. Каждый из нас уже искал другую работу. (P)*

Оба приведенных примера допускают разбиение на два абзаца, причем второй абзац тогда начинается союзом. Следовательно, подчинительные союзы *потому что* и *хотя* являются максимально мягкими.

Рассмотрим теперь некоторые временные союзы.

Основной временной союз *когда* – мягкий. Ср.:

(72) *Петя часами играл в компьютерные игры. Он болтал по телефону и не прикасался к учебникам. (Q) | Когда отца не было дома. (P)*

Однако синтаксис этого союза подчиняется тонким правилам, имеющим коммуникативную подоплеку. Прежде всего, далеко не любое сложноподчиненное предложение с союзом *когда* можно трансформировать в последовательность двух отдельных предложений. Ср. нормальный пример (73) и странный (74):

(73) *Я закрыл книгу (Q), когда стало совсем темно (P).*

(74) ?*Я закрыл книгу. (Q) Когда стало совсем темно (P).*

Пример (74), вообще говоря, возможен. Однако, в отличие от приводившихся выше примеров с союзами-коннекторами, в частности от (72), он устроен по-другому. В (74) союз *когда* соединяет не фрагменты текста, а придаточное предложение с главным, но это сложное предложение парцеллировано. Парцеллированные высказывания в данной работе не рассматриваются. Требуется понять, в каких контекстах союз *когда* может выступать как коннектор, т. е. связывать отдельное предложение с предшествующим при отсутствии парцелляции. Наша гипотеза состоит в следующем.

В высказывании вида *Q, когда P* ситуации *P* и *Q* соотносятся во времени, и эту соотнесенность выражает союз *когда*. Сами ситуации *P* и *Q* (или одна из них) могут быть важными или новыми, но могут быть и известными, подразумеваемыми или уже упоминавшимися. Во втором случае эти ситуации не находятся в фокусе внимания говорящего, и тогда новым и важным является факт их соотнесенности во времени. Таково высказывание (73): здесь коммуникативно важно не то, что субъект закрыл книгу (*Q*), и не то, что стало совсем темно (*P*), – обе эти ситуации подразумеваются. В фокусе внимания в данном случае находится временная соотнесенность ситуаций. В подобном случае союз *когда* не может быть коннектором. И действительно, (74) представляет собой парцеллированное высказывание.

Если же в фокусе внимания говорящего находится сам факт существования ситуации *Q* или *P*, то соответствующий смысл может быть оформлен в виде текста: *Q. Когда P*. Таков пример (72).

По этой же причине союз *когда* часто выступает как коннектор, если *Q* представляет собой императивное высказывание. Ср.:

(75) *Приходи. (Q) Когда захочешь. (P)*

Иногда один и тот же смысл может быть оформлен двумя способами: и в виде сложноподчиненного предложения, и в виде текста. Ср.:

(76) *Петя часами играет в компьютерные игры (Q), когда отца нет дома (P).*

(77) *Петя часами играет в компьютерные игры. (Q) Когда отца нет дома (P).*

Способ подачи смысла зависит от его коммуникативной организации, т. е. от фокуса внимания говорящего: в (77), в отличие от (76), говорящий акцентирует факт существования *Q*.

Благодаря этому семантическому акценту, тексты типа (72), (77) выражают некоторый дополнительный модальный смысл. В первом приближении это семантическое наращение можно сформулировать так: '*P*, только когда *Q*'. Отсюда естественное понимание: отец запрещал *Q*. В примерах типа (76) этот смысл специально не выражен. Впрочем, наше знание действительности обеспечивает практически одинаковое понимание примеров типа (76) и (77).

Кроме изложенного требования к характеру ситуации *Q*, существует еще одно, более частное требование, которое коннектор *когда* накладывает на контекст. Это ограничение на строение второго фрагмента (*P*). Как видно из примеров, данный фрагмент может состоять из одного предложения, ср. (72), (76), но может представлять собой и последовательность отдельных предложений. Ср.:

(78) *Ваня прогуливал школу. Он курил дома и не прикасался к учебникам. (Q) | Когда бабушка болела. И <а, или> мама готовила новый спектакль. (P)*

Однако в последнем случае предложения внутри фрагмента *P* должны связываться друг с другом каким-то коннектором, ср. союз *и* <а, или> в (78). При отсутствии такого коннектора текст теряет связность и становится непонятным. Ср.:

(79) **Ваня прогуливал школу. Он курил дома и не прикасался к учебникам. (Q) | Когда бабушка болела. Мама готовила новый спектакль. (P)*

Итак, основной временной союз *когда* является мягким, однако он может функционировать как коннектор не в любом контексте: требуется, чтобы высказывание Q обозначало такую ситуацию, существование которой акцентируется говорящим, а фрагмент P, если он состоит более чем из одного высказывания, сам содержал определенные коннекторы.

Заметим, что союзы *потому что* и *хотя*, выступая как коннекторы, налагают то же коммуникативное ограничение на Q. Однако в высказывании вида Q, *потому что* <хотя> P высказывание Q всегда обозначает ситуацию, факт существования которой может акцентироваться. Что касается союза *когда*, то в высказывании вида Q, *когда* P ситуация Q может быть тривиальной, а потому факт ее существования не попадает в фокус внимания.

По-видимому, это различие между союзами связано с особой природой причинно-следственной связи. Действительно, установление такой связи предполагает, что субъект фокусирует на данной ситуации свое внимание, размышляет о ее причине; далее он выбирает ту ситуацию, которую считает причиной, из множества ситуаций действительности. Констатация соотнесенности двух ситуаций во времени не всегда предполагает такой фокус внимания и такое размышление.

Это различие между причинно-следственным и временным отношениями можно считать прагматическим или когнитивным, но как бы то ни было, оно отражается в возможности того или иного распределения семантических акцентов в высказывании и, следовательно, в функционировании союзов как коннекторов¹³.

Возьмем теперь некоторые другие временные союзы.

Союз *пока* в рассматриваемом отношении, по-видимому, не отличается от *когда*. Ср.:

(80) Ребята бегали, шумели, даже дрались. (Q) Пока не зазвонил звонок. (P)

(81) Уходи. (Q) Пока тебя не побил. (P)

Союз *как только* тоже, по-видимому, является мягким. Ср.:

(82) Он уволился. (Q) Как только узнал об этих перемещениях. (P)

(83) Беги. (Q) Как только услышишь шаги на лестнице. (P)

Союз *прежде чем*, семантически близкий союзу *как только*, функционирует как коннектор далеко не так свободно. Следующие примеры не так естественны, как (82)–(83). Ср.:

(84) Они уехали. (Q) Прежде чем все это началось. (P)

(85) Услышишь шаги на лестнице и беги. (Q) Прежде чем они начнут звонить в дверь. (P)

Как бы мы ни оценили примеры (84) и (85), они в корне отличаются от предыдущих просодическим оформлением: коннектор *прежде чем* требует контрастного ударения на элементе *прежде*. Ср.: Они уехали. Пре↓жде чем все это началось; Услышишь шаги на лестнице и беги. Пре↓жде чем они начнут звонить в дверь. Заметим, что при парцелировании высказывания таких просодических изменений обычно не происходит. Сам союз *прежде чем* допускает контрастное ударение на элементе *прежде*, но оно не является обязательным. Следовательно, в описании союза *прежде чем* в функции коннектора нужно отразить эту его просодическую особенность.

¹³ Напомним, что уступительный союз *хотя* тоже в каком-то смысле маркирует причинно-следственную связь между двумя ситуациями. Однако он указывает на нарушение обычной причинно-следственной связи. Естественно считать, что информация об обычных связях между ситуациями фиксируется в «обиходной энциклопедии», т. е. в некоторой базе знаний, вероятно, в виде фреймов или сценариев. Для того чтобы констатировать нарушение этих обычных причинно-следственных связей, требуется обращение к некоторой базе знаний и сравнение данного положения дел с обычным. Эта операция заведомо сложнее, чем соотнесение двух ситуаций во времени.

В [Грамматика-80] к временным союзам отнесено сочетание *как вдруг*. Ср.:

(86) *Гости уже стояли в передней (Q), как вдруг на лестнице раздался странный шум (P).*

Союз *как вдруг* тоже может функционировать как коннектор. Ср.:

(87) *Гости уже стояли в передней. (Q) Как вдруг на лестнице раздался странный шум. (P)*

Обратим, однако, внимание на то, что в (86) сочетание *как вдруг* не имеет собственного ударения, что нормально для союза. В (87) то же сочетание может быть оформлено двояко: без собственного ударения или с подъемом тона: *Как вдруг↑ на лестнице раздался странный шум*. Последнее оформление характерно для наречий. Как видим, союз *как вдруг* относится к мягким, однако в функции коннектора он обладает просодической спецификой, которую нужно отразить в его словарном описании.

Среди временных союзов есть и жесткий. Это союз *в то время как*. Ср.:

(88) *Он был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах (Q), в то время как он находился в отъезде в поле (P)* (А.С. Пушкин).

Пример (88) не допускает трансформации, превращающей сложносочиненное предложение в два отдельных высказывания, второе из которых вводится коннектором. По-видимому, данный союз акцентирует одновременность ситуаций Q и P и не допускает фокуса внимания на них самих.

Можно было бы подумать, что причина жесткости союза *в то время как* не в его семантике, а в его составной природе. К тому же данный союз расчленяем (ср.: *в то время, как*), причем компонент *в то время* может присоединять «лексические актуализаторы», например *как раз, именно* и т. п. [Грамматика-80: 557]. Ср.:

(89) *Я спросил об этом деда как раз в то время, как он замахнулся было вторым валенком* (М. Пришвин).

Заметим, однако, что уступительный союз *несмотря на то что* тоже расчленяем (ср. *несмотря на то, что*), но при этом является мягким. Ср.:

(90) *Мы даже не думали о том, что можно остаться дома. Рано встали. Быстро собрались и вышли. (Q) | Несмотря на то что на улице лил дождь и начинался сильный ветер. (P)*

Расчленяем и причинный союз *потому что* (ср. *потому, что*), что не мешает ему быть синтаксически мягким. Таким образом, составной характер союза не влияет на его способность быть коннектором.

Мы попытались показать, что функция коннектора присуща не всем союзам, причем для разных союзов она характерна в разной степени. При этом некоторые подчинительные союзы выступают в функции коннектора лишь в определенном контексте; а некоторые подчинительные союзы, функционируя как коннекторы, приобретают особые просодические черты.

Перейдем теперь к вопросам теоретического синтаксиса.

3.1. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СИНТАКСИСА СОЮЗОВ И КОННЕКТОРОВ

Союзы естественно считать предикатами с двумя семантическими актантами – P и Q, причем в нашем материале оба семантических актанта союза представляют собой ситуации. Ср.: *Хотя был сильный мороз (Q), лыжные тренировки не отменялись (P)* [‘хотя Q, P’]; *Когда ты сдашь последний экзамен (Q), мы поедem на дачу (P)* [‘когда P, Q’]; *Шел дождь (P), и было холодно (Q)* [‘P, и Q’]; *Я устала (P), а тебе никакого дела нет (Q)* [‘P, а Q’].

Сколько у союза синтаксических валентностей?

Синтаксическая валентность лексемы – это, по определению, «способность предикатной лексемы синтаксически подчинять себе слово, группу слов или предложение, которые соответствуют ее семантическому актанту» [Апресян 2004: XXV]. Из этого определения следует, что синтаксический актант некоторой предикатной лексемы – это ее синтаксическое зависимое.

Условимся, что в рассматриваемых нами случаях как подчинительный, так и сочинительный союз синтаксически подчиняют себе оба связываемых предложения: $P \leftarrow \text{когда} \rightarrow Q$, $P \leftarrow \text{хотя} \rightarrow Q$, $P \leftarrow \text{и} \rightarrow Q$, $P \leftarrow \text{а} \rightarrow Q$.

В случае жесткого союза правила реализации его синтаксических валентностей принципиально не отличаются от, скажем, правил реализации валентностей глагола (с той разницей, что синтаксические валентности союза насыщаются отдельными предложениями в составе сложного).

А как описать синтаксис коннектора, связывающего отдельные высказывания или большие фрагменты текста?

Для наглядности сравним сложноподчиненное предложение, содержащее подчинительный союз *хотя*, и текст, содержащий коннектор *тем не менее*:

(91) Был очень сильный мороз (P). Тем не менее лыжные тренировки не отменялись (Q).

(92) Хотя был очень сильный мороз (P), лыжные тренировки не отменялись (Q).

И союз *хотя*, и коннектор *тем не менее* описывают положение дел, когда имеют место две ситуации – P и Q, причем ситуация P препятствует существованию ситуации Q. Тем самым слова *хотя* и *тем не менее* имеют по два семантических актанта. Актант P – это ситуация-препятствие, актант Q – «ключевая» ситуация. Однако союз *хотя* непосредственно вводит указание на ситуацию-препятствие (P) и располагается в соответствующем предложении. А *тем не менее* вводит указание на «ключевую» ситуацию (Q) и располагается в предложении, обозначающем данную ситуацию. Условимся, что коннектор *тем не менее* подчиняет себе вводимое им предложение. Легко видеть, что *тем не менее* и *хотя* находятся в отношении конверсии [В. Апресян 1999; Урысон 2003]. Это различие между *хотя* и *тем не менее* сразу бросается в глаза, однако нас сейчас интересует более формальный вопрос: как выражаются актанты P и Q данных слов. Подчеркнем, что мы будем рассматривать союз *хотя* в классической позиции союза, т.е. в составе сложноподчиненного предложения, а коннектор *тем не менее* – в позиции между фрагментами текста.

Каждому семантическому актанту союза *хотя* в классической позиции союза соответствует синтаксический актант (один из них – главное предложение, а второй – придаточное), причем как оба семантических, так и оба синтаксических актанта союза *хотя* являются обязательными. Синтаксические актанты союза *хотя* в рассматриваемой позиции описываются в синтаксических терминах и могут быть полностью заданы синтаксическими правилами. Союз *хотя* в этой позиции – это и семантически, и синтаксически двухместный предикат.

А сколько синтаксических валентностей (и синтаксических актантов) у единицы *тем не менее*?

Теория валентностей (в частности, используемая в модели «СМЫСЛ $\leftrightarrow$ ТЕКСТ») предназначена прежде всего для представления семантических и синтаксических актантов предиката внутри предложения [Апресян 1974; Мельчук 1974]. Рамками высказывания ограничивается и более широкая теория сфер действия лексических единиц [Богуславский 1996]. Между тем единица *тем не менее* принадлежит к классу коннекторов, а они выражают семантические связи между фрагментами текста, иногда достаточно большими. Функционирование таких единиц удастся представить только выйдя за пределы высказывания.

Лексическая единица *тем не менее* располагается в начале или в середине предложения (ср.: *Тем не менее лыжные тренировки не отменялись* – *Лыжные тренировки*

тем не менее не отменялись). Как мы условились, она подчиняет себе это предложение. Следовательно, *тем не менее* обладает синтаксической валентностью на «ключевую» ситуацию Q. Соответствующий синтаксический актанта выражается предложением, в котором находится *тем не менее*.

Что касается ситуации-препятствия P, то ее обозначение может описываться весьма длинным фрагментом предтекста. Так, в текстах, откуда взяты следующие примеры, описание «препятствий» для Q занимает не одну страницу. Ср.:

(93) *Тем не менее костюм от редакции я получил* (С. Довлатов).

(94) *Тем не менее друг к другу они чувствовали настоящую приязнь и разговаривали обо всем совершенно свободно* (Ю. Домбровский).

Эти примеры, между прочим, демонстрируют, почему коннектор естественно синтаксически относить к правому, а не к левому конъюнкту. (Можно было бы считать, что синтаксически коннектор вообще не относится ни к одному высказыванию текста. Однако подобный подход требует принципиального расширения синтаксической теории, без которого, как кажется, можно вполне обойтись.)

Из (93)–(94) ясно, что к выражению семантического актанта P единицы *тем не менее* не может быть применено определение синтаксической валентности и синтаксического актанта: синтаксический актанта некоторой предикатной лексемы – это ее синтаксическое зависимое, а оно располагается в пределах того же высказывания, что и сам данный предикат.

Разумеется, ситуация-препятствие P может быть выражена в пределах того же высказывания, что и *тем не менее*. Ср.:

(95) *Подавленный всем случившимся, он тем не менее продолжает лекцию* [ситуация P – ‘он подавлен всем случившимся’].

(96) *Мало что понимая по-немецки, Иван тем не менее догадывался, как издевается над всем виденным Георг Майзель* (А. Азольский) [ситуация P – ‘Иван мало что понимал по-немецки’].

(97) *В этом городе, где уже столько лет вытравляется дух приключения, оно тем не менее живет, ползет по улицам, лепится к окнам* (В. Аксенов) [ситуация P – ‘в этом городе уже столько лет вытравляется дух приключения’].

Однако ситуация-препятствие P в приведенных примерах выражается самыми разными способами, причем невозможны никакие сколько-нибудь естественные соглашения, при которых соответствующие фрагменты предложения разумно было бы считать синтаксическими зависимыми единицы *тем не менее*. Получается, что данная единица не имеет синтаксической валентности, соответствующей ее семантическому актанта P.

Таким образом, союз *хотя* и семантически, и синтаксически двухвалентен (мы сейчас абстрагируемся от способности этого союза быть коннектором), а единица *тем не менее*, имеющая два семантических актанта, должна быть признана синтаксически одновалентной. Между тем к обозначению ее второго семантического актанта предъявляются вполне четкие формальные требования.

Во-первых, семантический актанта «ситуация-препятствие» единицы *тем не менее* выражается только в предтексте. Во-вторых, обозначение этого актанта должно содержать рему (основную или второстепенную), см. примеры выше. То есть какие-то формальные требования к выражению обсуждаемого актанта есть, однако их слишком мало для автоматического анализа или синтеза текста.

В рамках модели «СМЫСЛ ⇔ ТЕКСТ» (да и любой собственно синтаксической концепции) описание подобных ограничений на выражение семантического актанта не предусмотрено. Попытаемся применить к нашему случаю концепцию сфер действия лексических единиц [Богуславский 1996].

3.2. ОБСУЖДЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АППАРАТА

Идея И.М. Богуславского состоит в том, что «разумно было бы называть синтаксическим актантом любое синтаксическое образование, значение которого соответствует семантическому актанту» [Богуславский 1996]. Но поскольку термин «синтаксический актант» имеет вполне устоявшееся, традиционное понимание, не распространяющееся на любое синтаксическое образование, то вместо него вводится новый, более широкий термин: синтаксическая сфера действия лексемы по ее семантическому актанту.

Казалось бы, приведенное определение идеально подходит для нашего случая: у единицы *тем не менее* есть синтаксическая сфера действия по семантической валентности на ситуацию-препятствие Р, а значит, и соответствующий синтаксический актант.

Однако во всех случаях, разобранных И.М. Богуславским, речь идет о тех синтаксических сферах действия, которые задаются четкими, вполне алгоритмизируемыми лингвистическими правилами. Этот факт имеет принципиальный характер: если, заменяя понятие синтаксического актанта более широким и гибким понятием синтаксической сферы действия, мы откажемся от четких требований к поверхностному выражению актанта, то нам придется отказаться и от идеи алгоритмизуемого обнаружения синтаксического представления высказывания.

Ясно, что выражение семантического актанта Р единицы *тем не менее* не может быть задано строгими синтаксическими правилами.

В рамках модели «СМЫСЛ $\Leftrightarrow$ ТЕКСТ» в таких случаях принято говорить, что данный семантический актант невыразим и лексема не имеет соответствующей синтаксической валентности. Ср. классический пример – глагол *промахнуться* [Мельчук 1974: 135; Апресян 1974: 148].

Глагол *промахнуться* описывает ситуацию, когда субъект стреляет или бросает нечто в цель, или мишень, но не попадает в нее. Однако семантический актант «мишень» не может оформляться как обычный синтаксический актант глагола: в русском языке нет стандартного словосочетания *промахнуться по кому-л./чему-л.* <**в кого-л./что-л.*>, хотя нормально словосочетание *стрелять в кого-л./что-л.* При этом данный «невыразимый» семантический актант свободно выражается в тексте. Ср.: *Охотник выстрелил в волка, но промахнулся.* Однако его выражение невозможно задать теми формальными правилами, которыми описывается реализация валентностей¹⁴.

Семантический актант «ситуация-препятствие» коннектора *тем не менее* тоже не может быть полностью задан формальными синтаксическими правилами. Следовательно, этот актант тоже является «невыразимым».

Однако между *промахнуться* и *тем не менее* есть принципиальное различие.

3.3. ДВА ТИПА «НЕВЫРАЗИМЫХ» СЕМАНТИЧЕСКИХ АКТАНТОВ

Невыразимость объекта глагола *промахнуться* обусловлена тем, что данный его семантический актант фигурирует в пресуппозиции лексемы, а не в ассерции [Плунгян, Рахилина 2005]. Аналогичным образом обстоит дело с глаголами, обозначающими ликвидацию результата действия. «У глаголов типа *забинтовать (руку марлей)*, *заворачивать (покупку в бумагу)*, *завязывать (ящик веревкой)* имеется валентность средства-объекта, нереализуемая у их антонимов *разбинтовать (руку)*, *разворачивать (покупку)*, *развязывать (ящик)*, хотя в принципе она у них есть, потому что их невозможно истолковать, не упоминая некоего Х-а (средства-объекта), который А снимает с В. Аналогичную семантическую структуру имеют и другие антонимы этого класса, к числу

¹⁴ Возможность высказываний типа *Из винтовки с оптическим прицелом и при хорошей видимости я по такой мишени не промахнусь* подробно обсуждается в книге [Мельчук 1974: 135] и в работе [Перцов 2006]. В связи с этим возникает вопрос: верно ли, что у глагола *промахнуться* нет синтаксического актанта на выражение мишени. Обоснование разных точек зрения на эту тему даны в цитированных работах, а также в рецензии [Урысон 2008б].

которых можно отнести, помимо уже названных слов, *развьючить* (осла), *разгрузить* (машину), *разжать* (уши), *растегнуть* (пальто) и многие другие (ср. исходные глаголы *навьючить* (осла тюками), *нагрузить* (машину зерном), *зажать* (уши ладонями), *застегнуть* (пальто на все пуговицы))» [Апресян 1974: 147]. У всех этих слов тоже невыразим семантический актант, фигурирующий в пресуппозиции значения лексемы. Естественно, что такой подразумеваемый актант может вообще никак не называться в тексте, что не нарушает его правильности. Ср.: *Не знаю, куда он метил, знаю только, что промахнулся; Чем он зарабатывает? – Вагоны разгружает* и т.п.

Что касается лексемы *тем не менее*, то выражение ее обсуждаемого актанта в тексте совершенно обязательно. Высказывание типа *Тем не менее костюм от редакции я получил* обязательно предполагает предтекст, содержащий описание ситуации-препятствия Р. Ситуация парадоксальна: семантический актант, с одной стороны, по определению «невыразим», а с другой стороны, его выражение в тексте совершенно обязательно.

Для представления рассмотренных фактов мы воспользуемся концепцией И.М. Богуславского, введя, однако, новые определения.

3.4. ТИПЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ СФЕР ДЕЙСТВИЯ ЛЕКСЕМЫ ПО НЕКОТОРОМУ АКТАНТУ

Обычно семантический актант некоторой лексемы выражается в тексте по достаточно строгим регулярным правилам, имеющим синтаксическую природу; таковы, например, актанты глагола, выражаемые дополнениями. Однако у некоторых лексем есть такие семантические актанты, выражение которых не подчиняется подобным синтаксическим правилам; таков, например, актант «мишень» глагола *промахнуться*. Эти случаи требуется различать.

Примем, вслед за И.М. Богуславским, что синтаксический актант, точнее, синтаксическая сфера действия лексемы по некоторому семантическому актанту – это любое синтаксическое образование, значение которого соответствует семантическому актанту. Из изложенного ясно, что в языке представлено два типа синтаксических актантов (синтаксических сфер действия). Синтаксическая сфера действия (синтаксический актант) первого типа полностью описывается лингвистическими правилами. Будем называть такие синтаксические актанты лингвистически хорошо определенными. Синтаксические актанты второго типа не описываются лингвистическими правилами. Будем называть такие синтаксические актанты лингвистически неопределенными. Более точно:

- Если синтаксическая сфера действия лексемы по некоторому семантическому актанту вполне описывается строгими лингвистическими правилами, будем говорить, что данная синтаксическая сфера лингвистически хорошо определена.

Хорошо определены синтаксические сферы действия, соответствующие «классическим» синтаксическим актантам, например глагольным дополнениям. Хорошо определенными являются и синтаксические сферы действия частиц, описанные в книге [Богуславский 1996].

- Если синтаксическая сфера действия лексемы по некоторому семантическому актанту не может быть описана строгими лингвистическими правилами, будем говорить, что данная синтаксическая сфера является лингвистически неопределенной.

Примеры: синтаксическая сфера действия семантического актанта «мишень» глагола *промахнуться*; синтаксическая сфера действия семантического актанта «объект» глагола *разгружать*.

Среди лингвистически неопределенных синтаксических сфер действия выделяется важный подкласс. Это такие сферы действия, которые описываются правилами лишь частично. Таковы синтаксические сферы действия коннектора. Возьмем, например, коннектор *между тем*. Ср.: (11в) *Мы уже давно сбились с дороги. Всем хотелось есть. (Q) | Между тем начало смеркаться. Собиралась гроза. (P)*. Про сферы действия Р и Q этого коннектора известно лишь то, что одна из них находится в предтексте, непо-

средственно примыкая к коннектору, а другая вводится коннектором. Но каждая из этих сфер действия имеет и вторую границу, удаленную от коннектора, и она не может быть определена в строгих терминах. Такую синтаксическую сферу действия будем называть частично лингвистически определенной. Более точно:

- Будем говорить, что синтаксическая сфера действия лексемы по данному семантическому актанту является частично лингвистически определенной, если выражение данного актанта описывается формальными правилами не полностью.

Вернемся к синтаксическому различию между союзом *хотя* и коннектором *тем не менее*. Оба слова имеют по два семантических актанта, и каждому актанту соответствует своя синтаксическая сфера действия. При этом у союза *хотя* (если он не выступает в функции коннектора) обе синтаксические сферы действия являются лингвистически хорошо определенными: синтаксическая сфера действия по одному актанту – это главное предложение, а по другому актанту – придаточное. У коннектора *тем не менее* лингвистически хорошо определена синтаксическая сфера действия только по одному актанту («ключевая ситуация»). Синтаксическая сфера действия по второму актанту («ситуация-препятствие») определена лишь частично.

У многих коннекторов, в частности у мягких союзов в функции коннектора, частично определены обе синтаксические сферы действия: коннектор обозначает лишь границу между ними. Ср. приведенный выше пример (11в), а также текст (62): *Дело к весне. День удлинился, солнце светит ярче. На календаре – середина марта. (Q) | А мороз все жестче. Ветер резкий, северный. (P).*

Для нахождения семантического актанта, которому соответствует частично определенная синтаксическая сфера действия, требуется не только собственно лингвистическая информация (например, о линейном расположении фрагментов текста), но и понятийный анализ текста, невозможный без привлечения обширных «энциклопедических знаний» о действительности. Возможно, подобная процедура и поддается какой-то алгоритмизации, но при этом предполагается обработка не синтаксической или семантической структуры высказывания (текста), а некоторой понятийной сети.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 2004 – Ю.Д. *Апресян*. Лингвистическая терминология Нового объяснительного словаря синонимов русского языка // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. акад. Ю.Д. *Апресяна*. М., 2004.
- В. *Апресян* 1999 – В.Ю. *Апресян*. Уступительность в языке и слова со значением уступки // Вопросы языкознания. 1999. № 5.
- Богуславский 1996 – И.М. *Богуславский*. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Грамматика-80 – Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980.
- Крейдлин, Падучева 1974 – Г.Е. *Крейдлин*, Е.В. *Падучева*. Значение и синтаксические свойства союза *а* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 9.
- МАС – Толковый словарь русского языка в четырех томах. Т. 1–4. М., 1985–1990.
- Мельчук 1974 – И.А. *Мельчук*. Опыт теории построения моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.
- Плунгян, Рахилина 2005 – В.А. *Плунгян*, Е.В. *Рахилина*. Приземлиться и промахнуться: семантические механизмы синтаксических ограничений // Восток – Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл ⇔ Текст». М., 2005.
- Перцов 2006 – Н.В. *Перцов*. К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Русский язык в научном освещении. 2006. № 1 (11).
- Прияткина 1971 – А.Ф. *Прияткина*. К изучению союзных связей вторичного характера // Современный русский язык. Т. XII. Владивосток, 1971.
- Санников 1989 – В.З. *Санников*. Русские сочинительные конструкции. М., 1989.
- СУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. *Ушакова*: В 4 т. М., 1935–1940.
- Урысон 2000 – Е.В. *Урысон*. Русский союз и частица *и*: структура значения // Вопросы языкознания. 2000. № 3.

- Урысон 2003 – *Е.В. Урысон*. Семантическая и валентная структура слов с уступительным значением // *Русский язык в научном освещении*. 2003. № 2 (6).
- Урысон 2004 – *Е.В. Урысон*. Словарная статья «И, ДА, А ТАКЖЕ» // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2004.
- Урысон 2008а – *Е.В. Урысон*. Синтаксические свойства союзов и теория валентностей // *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. статей в честь Е.В. Падучевой*. М., 2008.
- Урысон 2008б – *Е.В. Урысон*. [Рец. на:] О.Н. Селиверстова. Труды по семантике. М., 2004. 959 с. // *Известия РАН. Сер. лит. и яз.* 2008. Т. 67. № 3.
- Урысон 2011 – *Е.В. Урысон*. Опыт описания семантики союзов. М., 2011.
- Урысон 2012 – *Е.В. Урысон*. Союзы, коннекторы и теория валентностей // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог'2012»*. Вып. 11. Т. 1. М., 2012.
- Шмелев 1973 – *Д.Н. Шмелев*. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Сведения об авторе:

Елена Владимировна Урысон
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
uryson@gmail.com
Статья поступила в редакцию 18.09.2012